

А. С. Русяева, М. В. Скржинская

ОЛЬВИЙСКИЙ ПОЛИС И КАЛЛИПИДЫ

ИСТОРИЯ Ольвии, ее хоры и ближайших соседей на ранних этапах развития полиса неоднократно привлекала к себе внимание многих ученых. Согласно античной традиции, ближайшим соседом Ольвии в V в. до н. э. было скифское племя каллипидов. Интерпретация сведений о них древних источников бывала часто недостаточно обоснованной, а локализация мест обитания племени производилась зачастую вне связи с историческим развитием города, его сельскохозяйственной округой и политико-экономической ситуацией, сложившейся в этом полисе во время посещения Геродота, нашего главного свидетеля о каллипидах. Археологические исследования последних лет значительно расширили наше представление об Ольвийском государстве, что позволяет вновь обратиться к этому вопросу.

В настоящей статье мы не претендуем на полное и окончательное решение всей сложной проблемы контактов эллинов с варварами, в том числе и интересующим нас племенем. Мы попытаемся лишь коротко охарактеризовать некоторые этапы развития ольвийского полиса в ранний период его существования, а также коснуться отдельных вопросов локализации каллипидов.

Как известно, в VII—VI вв. до н. э. происходила массовая миграция эллинов с малоазийского побережья в припонтийские земли. Наиболее раннее поселение в Северном Причерноморье, именуемое Борисфеном, возникло, согласно «Хронике» Евсевия (II, 88), в 645/4 или 654/3 гг. (разница в датах объясняется неодинаковым написанием цифр в разных рукописях Евсевия). Эти годы соотносят с появлением греческих колонистов на Березани, что пока подтверждается лишь обнаруженной там при раскопках керамикой¹ и отсутствием другого, более раннего поселения в бассейне Днепровского и Березанского лиманов. Затем, как показывают археологические исследования, на рубеже VII—VI и в первой половине VI в. до н. э. возникают другие поселения в разных частях этого региона (Бейкуш, Ольвия, Ягорлык и др.). В настоящее время известно около 60 эллинских поселений, существовавших по берегам Бугского и Березанского лиманов с середины — третьей четверти VI в. до н. э.² Весьма вероятно,

¹ Л. В. Копейкина, Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань, СА, 1973, № 3, стр. 240—244; о н а ж е, Особенности развития Березанского поселения в архаический период в связи с ходом колонизационного процесса, «Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структура раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья», Тезисы докладов, Тбилиси, 1977, стр. 34-35.

² С. Д. Крижичький, Деякі підсумки і завдання археологічного дослідження ольвійської держави, Археологія, 26, 1978, стр. 56; В. В. Рубан, Исследо-

что их было значительно больше на освоенной эллинами территории. Ее северная граница по Бугскому лиману проходила близ Николаева, по Березанскому — у с. Осетровка (бывшая Каборга), западная — по правому берегу Березанского лимана; наиболее отдаленным в восточном направлении было Ягорлыцкое поселение.

До сих пор в Днепро-Березанском регионе не обнаружено памятников каких-либо оседлых племен, живших здесь в канун греческой колонизации или в период ее развития. Поэтому можно с максимальной долей вероятности полагать, что эллины основали все свои поселения на свободных землях, не прибегая ни к каким насильственным мерам³.

При исследовании архаических эллинских поселений не найдено пока и хозяйственно-строительных комплексов, которые достоверно можно было бы связать с культурой негреческого населения. Отдельные элементы, прослеживаемые только в материальной культуре, имеют сходные черты с памятниками Подунавья и лесостепной Скифии. Мы не отрицаем наличия среди эллинов отдельных представителей других этнических групп, однако в общем развитии культуры ольвийского полиса они не сыграли достаточно заметной роли, что можно объяснить их небольшим количеством, зависимым положением и быстрой ассимиляцией с греками. Греческую керамику второй половины VII—VI вв. до н. э. находят главным образом в лесостепной полосе Поднепровья, Поворскля, Побужья, Поднепровья⁴; при этом она крайне редко встречается на относительно близлежащих землях непосредственно за пределами освоенного эллинами региона. Отсюда вытекает, что ближайшее к эллинам оседлое население в это время обитало на весьма значительном расстоянии от освоенной ими территории.

В первоначальный период освоения этого края ведущая роль принадлежала Березанскому поселению, выступившему, очевидно, в роли организатора⁵. Но уже во второй половине VI в. до н. э. роль организующего центра переходит к Ольвии. Вокруг нее группируются сельскохозяйственные поселения, она становится основным средоточием государственных учреждений, духовной культуры, развития основных видов ремесел, экономических и политических связей как с греческими полисами, так и с варварскими племенами⁶.

вания античных памятников на правом берегу Бугского лимана, НОСА, ч. II, 1975, стр. 87 сл.; А. С. Русяева, Разведки и раскопки поселений близ Ольвии, АИУ-1968, вып. III, 1971, стр. 180 сл.; В. М. Отрепко, Западный район Ольвийской периферии в позднеархаическое время, НОСА, ч. II, стр. 93—94; А. С. Островецх о в, Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V в. до н. э.), Автореф. канд. дисс., Киев, 1978, стр. 12—17.

³ Это мнение достаточно широко признано в современной научной литературе. Например, А. Вонсович в своей монографии об Ольвии, где учтены все работы последнего времени, придерживается именно такой точки зрения (A. Wasowicz, *Olbia pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace*, Р., 1975, стр. 35—39).

⁴ Наиболее известные памятники оседлому населению здесь: Немировское, Жаботинское, Пастерское, Шарповское, Бельское, Трахтемировское и другие городища, см. Н. А. Онанайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э., САИ, Д1-27, 1966, стр. 22 сл.; Г. Т. Ковпаненко, Новые раскопки Трахтемировского городища, АИУ-1968, вып. III, 1971, стр. 140.

⁵ Ю. Г. Винogradov, О политическом единстве Березани и Ольвии, ХКААМ, 1976, стр. 80—82.

⁶ В данном случае нельзя согласиться с точкой зрения В. В. Рубана, считающего, что Ольвия во второй половине VI в. до н. э. представляла собой в основном систему деревень с земляночными жилищами, см. В. В. Рубан, Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья, Сб. «Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции „Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья“. Тезисы докладов», Л., 1977, стр. 43.

Бежавшие с разоренного персами малоазиатского побережья греки стремились найти в Северном Причерноморье новую родину, где они могли прочно поселиться и обрабатывать землю. Торговля для основной массы переселенцев была необходимым, но все же не определяющим компонентом их жизни как в метрополии⁷, так и во вновь основанных апоикиях. Трудно представить себе первых обитателей этих земель, живущих надеждой получения хлеба и других продуктов от торговли с далекими племенами Среднего Поднепровья и Побужья. В такой ситуации эллины прежде всего должны были надеяться на свои собственные силы. Возможно, одной из причин основания маленьких поселений вдоль берегов лиманов было стремление к освоению плодородных земель и занятию земледелием, надежно обеспечивающим проживание на чужбине.

Для своих поселений эллины выбирали удобные, окруженные балками, прилиманские земли, а прилегающие к ним плодородные степи использовали для разведения привычных сельскохозяйственных культур и скотоводства. Кроме того, они стали широко развивать рыболовство и местные ремесла. Во второй половине VI в. до н. э. складывается Ольвийский полис, политически независимый, однородный в экономическом и культурном отношении. Вполне вероятно, что на определенном этапе своего развития эти поселения входили в состав сельскохозяйственной округи Ольвии и представляли собой экономическую базу зарождающегося полиса.

Основные характерные черты материальной и духовной культуры ранних поселений Ольвии и Березани имеют много общего. Это прежде всего наблюдается в одинаковом устройстве (внешнем и внутреннем) первых жилищ — землянок и полуземлянок и в остатках вещественных материалов. Среди последних, что особенно важно, посуда местного ольвийского изготовления, предметы бронзолитейного и железоделательного производства, в том числе монеты-стрелки и дельфинчики, что указывает на тесные экономические взаимоотношения. Почти на всех архаических поселениях, где проводились раскопки, как и в ранних слоях Березани и Ольвии, найдены терракоты сидящей на троне Деметры и других земледельческих божеств. Также следует отметить неоднократные находки граффити на сосудах и вотивных остраконов с прочерченными на многих из них надписями и знаками магического свойства. Все это является свидетельством единства духовной культуры населения, основавшего как Ольвию, так и рассматриваемые поселения.

Однако положение резко изменилось уже в первой трети V в. до н. э., когда основная масса этих эллинских поселений прекратила свое существование⁸. Может быть, постепенное увядание отдельных поселений началось несколько раньше указанного времени. Они были покинуты как в силу внутренних, так, по всей вероятности, и внешних причин. Ольвия нуждалась в притоке рабочей силы для строительства возводившихся вокруг нее мощных оборонительных стен, каменных общественных сооружений и жилых домов. Укрепление города стимулировалось в свою очередь приближением кочевых скифов, активизировавших свою военную и политическую деятельность в Северо-Западном Причерноморье в связи с походом Дария в 514 г. до н. э. и последующим за этим походом скифов за Дунай (Herod., IV, 83—98, 118—143; VI, 40). Сравнительно быстрое расширение города, его массовое каменное строительство было вызвано

⁷ Аграрный характер Милета хорошо прослеживается по данным Геродота (I, 17—19; V, 28—29, X, 97); ср. А. И. Д о в а т у р, Аграрный Милет, ВДИ, 1955, № 1, стр. 27—30.

⁸ В. В. Р у б а н, О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья до римского времени, «150 лет ОАМ. Тезисы докладов», 1975, стр. 131.

исторически назревшей необходимостью и, очевидно, возрастающей международной ролью Ольвии, особенно в связях с Атикой. На поселениях не зафиксировано следов разрушений или пожаров: это показывает, что скифы продолжали сохранять с эллинами мирные отношения. Однако пребывание в Ольвии вождя царских скифов и выстроженный там для него роскошный дворец, как свидетельствует Геродот (IV, 78—80), заставляет думать, что город какое-то время в первой половине V в. до н. э. находился во всяком случае в экономической зависимости от него и соответственно, возможно, от других скифских племен.

Однако ранее освоенные эллинами, а затем опустевшие земли недолго оставались безлюдными. На некогда оставленных поселениях жизнь вновь возродилась на рубеже V—IV вв. до н. э., на некоторых — немногим позже⁹. Город в это время занимал гораздо большую площадь, чем раньше, население его значительно возросло. Именно в тот промежуток времени, когда прекратилась жизнь на первых поселениях, Ольвия, наверно, особенно остро испытывала потребность в хлебе и других продуктах продовольствия. Естественно предположить, что самым интенсивным образом использовались для этих целей ближайшие к городу земли. Значительную роль в этом должно было играть и население предместья. Расцвет его падает как раз на тот период¹⁰, когда Ольвия потеряла свою хору. Именно тогда, в V — первой половине IV в. до н. э., торговля со скифами приобретает наибольший размах. Но товарного хлеба, очевидно, оказывалось недостаточно для удовлетворения нужд горожан и для вывоза в Грецию. В результате возникла необходимость создания новых сельскохозяйственных поселений. Они в значительной степени отличались от архаических, где основным типом жилища были землянки и полуземлянки. В IV—III вв. до н. э. полуземлянки встречаются крайне редко, но появляются, главным образом, каменные дома, иногда с мощеными дворами¹¹. Поселения этого времени возникали чаще всего на местах более ранних, что свидетельствует о преемственности в отношении этих земель. Пока они не были достаточно исследованы, существовало ошибочное мнение об их непрерывном существовании. Скорее всего эти земли начали осваивать выходцы из города, но, может быть, в этом процессе принимали также участие новые переселенцы с малоазийского побережья и материковой Греции.

Во всяком случае, ольвийский полис значительно расширил свои земли к западу, вплоть до современной Одессы, как свидетельствуют о том нумизматические и археологические данные последнего времени¹². Расши-

⁹ Рубан, Исследования..., стр. 88; о нем же, О периодизации..., стр. 131. В данном случае мы имеем в виду именно возрождение, начальный процесс освоения, а не расцвет жизни на поселениях.

¹⁰ Ю. И. Козуб, Передмістя Ольвії, Археологія, 29, 1979, стр. 3 сл.

¹¹ Ф. М. Штигельман, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, МИА, 50, 1956, стр. 266—272; Я. В. Доманский, Из истории населения Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э., АС, 2, 1961, стр. 31—32; А. С. Русяева, Поселения Питухівка I біля Ольвії, Археологія, XXI, 1968, стр. 206—213; Рубан, О периодизации..., стр. 131.

¹² Э. И. Димант, Монетные находки Кошарского поселения (к вопросу о западной границе ольвийского полиса), Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья, Киев, 1978, стр. 241—249. Автор на основании нумизматических находок вполне справедливо предполагает, «что граница ольвийского полиса (или реально контролируемой им территории) проходила гораздо западнее, чем это принято думать. Поселения у Кошар и у Лузановки были, надо полагать, главными опорными пунктами Ольвии в этом районе». Несомненно раньше И. Б. Брагинский также высказал мысль о том, что поселения, группирующиеся вокруг современной Одессы, безусловно входили в орбиту экономической экспансии и влияния Ольвии, вероятно, политически были связаны с этим полисом, так что возможно называть этот район ольвийской «переей». И. Б. Брагинский, Рец. А. W a s o w i c z. Olbia pontique

рение полисной территории в этом направлении диктовалось, очевидно, какими-то политическими мотивами, возросшей потребностью в хлебе и других продовольственных продуктах в связи с увеличением населения как непосредственно в городе, так и в его округе, расширение торговли с городами Греции, возможным прибытием в этот район новых переселенцев. Этому благоприятствовало и то, что прибрежная полоса к западу оставалась никем не заселенной. Названная территория принадлежала затем Ольвийскому полису несколько столетий, включая римское время¹³. Границы государства, за исключением отдельных периодов, признавались соседними племенами на протяжении всей почти тысячелетней истории существования этого античного полиса.

Одним из таких периодов, когда основная масса поселений была оставлена жителями, переселившимися в город, был уже названный промежуток (вторая — последняя четверти V в. до н. э.). Именно тогда, в середине V в. до н. э., Геродот посетил Ольвию.

Историк не ставил своей целью описывать греческие города Северного Причерноморья и поэтому не дал более или менее подробного описания Ольвии и ее хоры. Лишь в новелле о скифском царе Скиле, неоднократно посещавшем Ольвию, имеются отдельные весьма ценные сведения о городе (IV, 78—79). Мы узнаем, что Ольвия в этот период уже была обнесена стенами и башнями, в городе существовала площадь и большой роскошный дворец Скила, украшенный беломраморными сфинксами и грифонами (IV, 79). Археологические исследования подтверждают сообщение Геродота об оборонительных стенах и агоре и в значительной степени дополняют его, так как показывают, что в это время в Ольвии были выстроены храмы и общественные сооружения.

В «Истории» Геродота развернута широкая картина этнического состава племен, обитавших в восточноевропейских степях. Свое описание он начинает с племен, живших по соседству с землями Ольвийского полиса. Ближайшими его соседями были каллипиды. Вот как пишет об этом Геродот, в сочинении которого сохранились древнейшие, наиболее подробные и ценные сведения об этом племени: «От эмпория борисфенитов (ведь он — самый срединный из приморских [пунктов] всей Скифии), от него первыми обитают каллипиды, будучи эллинами-скифами; а выше них — другой народ, которые называются алазонами. Вот они и каллипиды занимаются всем прочим так же, как скифы, но сеют и едят хлеб, а также и лук, и чеснок, и чечевицу, и просо. А выше алазонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для пропитания, а для продажи. Выше же этих живут невры. А к северу от невров нет людей, насколько мы знаем. Вот такие народы есть по реке Гипанису к западу от Борисфена» (IV, 47).

Следующее по времени упоминание о каллипидах содержится в «Географии» Страбона (XII, 3, 20; С 550): «Некоторые, изменяя [гомеровский текст. — А. Р., М. С.] пишут «алазонов», другие — «амазонок»... называя за Борисфеном скифов алазонами, каллипидами и другими именами, которые наболтали нам Гелланик, Геродот и Евдокс».

Сообщение Страбона отражает недоверчивое и даже ироническое отношение (презрительный оттенок глагола *καταφάρησαν* — «наболтали») к известиям географов конца VI—V в. до н. э. Во времена Страбона, когда

et son territoire. L'aménagement de l'espace, P., 1975—СА, 1977, № 3, стр. 303). Единство материальной и духовной культуры этих поселений и близлежащих к Ольвии, а также самого города, думается, имеет немаловажное значение в отнесении их к этому полису.

¹³ А. С. Русаева, Вопросы развития культуры Ахилла в Северном Причерноморье, «Скифский мир», Киев, 1975, стр. 181 сл.

ни один греческий или римский путешественник не проникал далее прибрежных греческих колоний в Северном Причерноморье, подробные рассказы о Скифии у древних авторов казались вымышленными и недостоверными. Единственное возможное заключение из слов Страбона лишь то, что какие-то сведения о каллипидах и алазонах содержались в утраченных теперь трудах логографов Гелланика и Евдокса.

Заслуживает серьезного внимания небольшая заметка о каллипидах у Помпония Мелы: *Callipidas Hypanis includit... Asiaces ximus inter Callipidas Asiacasque descendit* (II, 1, 7 — По Гипанису живут каллипиды. Ближайший (к Гипанису) Асиак течет вниз между каллипидами и асиаками).

Некоторые исследователи, на наш взгляд, совершенно неосновательно полагают, что о каллипидах есть упоминание в «Периэгесе» псевдо-Скимна¹⁴. В своем рассказе о скифских племенах этот автор, по собственному признанию, опирался на сочинение Эфора, историка IV в. до н. э. Перечень этнонимов псевдо-Скимна схож с перечнем Геродота (IV, 17—20). Отсутствуют каллипиды, но зато названы нигде более не упоминаемые «карпиды» (*Ps.-Scymn.*, 841). Это и дало основание ученым предположить, что автор имел в виду каллипидов¹⁵. Правда, псевдо-Скимн назвал карпидов на Дунае, а не на Буге. Поэтому, вероятнее всего, начав описание племен от Дуная, он имел в виду карпов (карпидов) — известное по другим источникам дакийское племя, которое обитало между реками Серетом и Прутом¹⁶.

Таким образом, в сохранившейся античной литературе, имеется три упоминания о каллипидах. Исходя из слов Страбона, их было гораздо больше. О месте же обитания каллипидов и об образе их жизни можно судить по рассказам Геродота и Мелы.

Это было ближайшее к Ольвийскому государству скифское племя, более других испытавшее на себе эллинское влияние. Владения их находились по берегам Гипаниса, а на правом его берегу распространялись вплоть до реки Асиак, которую обычно отождествляют с Тилигульским лиманом, либо с одной из впадающих в него речек. Сведения Геродота о каллипидах относятся к середине V в. до н. э. Ко времени жизни Страбона (рубеж I в. до н. э. — I в. н. э.) каллипиды — ближайшие соседи Ольвии, о которой прекрасно знает Страбон (VI, 3, 17, С 306), давно уже там не жили, и сведения о них казались вымышленными. Мела, автор середины I в. н. э., писал о каллипидах по каким-то несохранившимся трудам ионийских географов, вероятно более древним, чем Геродот¹⁷. Таким образом, наши сведения о каллипидах в письменных источниках не моложе V в. до н. э.

В прошлом веке ученые пытались найти упоминания о каллипидах в ольвийских эпиграфических памятниках. П. Кёппен первым отождествил их с миксэллинами, о которых говорится в ольвийском декрете в честь Протогена III в. до н. э. (*IOSPE I²*, 32)¹⁸. Однако уже тогда П. И. Люпер-

¹⁴ К. K r e t s c h m e r, *Scythae*, RE, IIA, стб. 929; А. Н e r m a n n, *Kallipidae*, RE, стб. 1656—1657.

¹⁵ К. N e u m a n n, *Die Hellenen im Skythenlande*, В., 1855, Bd I, стр. 218; К r e t s c h m e r, *Scythae*, стб. 929.

¹⁶ Ch. V i c h i r, *Archeology and History of the Carpi*, Oxf., 1976, part. I, стр. 145—150.

¹⁷ М. И. Р о с т о в ц е в, *Скифия и Боспор*, Л., 1925, стр. 46. М. P l e z i a, *Necataios über die Völker am Nordrand des scythischen Schwarzmeergebietes*, Eos, 1959—1960, 1, стр. 27—42.

¹⁸ В. В. Л а т ы ш е в, *Исследования об истории и государственном строе Ольвии*, СПб., 1887, стр. 17—19. В монографии В. В. Латышева поддерживается точка зрения П. Кёппена, развитая исследователями декрета А. Беком, Э. Боннелем и Ф. Мищенко. В советской историографии отождествление каллипидов с миксэллинами при-

сольский высказался против отождествления каллипидов с миксэллинами¹⁹, Н. В. Шафранская произвела подробный терминологический анализ понятия и пришла к выводу, что термин «миксэллины» применялся для обозначения какой-то военной группы или отряда, а не отдельного народа²⁰.

Локализация каллипидов на этнической карте Северного Причерноморья издавна привлекала внимание ученых. В работах В. В. Латышева достаточно полно отражены взгляды исследователей прошлого века на места обитания этого племени. В своем фундаментальном труде «Исследования об истории и государственном строе Ольвии», а также в статье «Население Херсонской губернии за 2400 лет до нашего времени» В. В. Латышев писал, что каллипиды жили по реке Гипанису «в ближайших окрестностях Ольвии»²¹. У Геродота же говорится о каллипидах как «о первых от эмпория борисфенитов», но ничего не сказано о расстоянии, отделявшем их от эмпория. И хотя В. В. Латышев не уточнял, где же находились указанные им ближайшие окрестности, его точка зрения дала толчок к развитию мнения о том, что владения каллипидов начинались чуть ли не от самых стен Ольвии. Этот взгляд оказал также существенное влияние на мнение исследователей текущего столетия.

При этом следует отметить, что начиная с прошлого века и до недавнего времени Ольвию рассматривали как некий изолированный от своей сельскохозяйственной округи город, за стенами которого только и была сосредоточена политическая и культурная жизнь эллинов. Вокруг же Ольвии, как считалось, жили варварские племена.

Начавшееся после Великой Отечественной войны исследование ольвийской периферии стало давать, как сначала казалось, подтверждение этим взглядам. Все поселения, обнаруженные на Бугском лимане в послевоенное время, Ф. М. Штителъман, а вслед за ней и другие ученые относили к культуре каллипидов²².

Локализация каллипидов в непосредственной близости от Ольвии была широко поддержана скифологами и бытует среди них до сих пор. Классическим поселением каллипидов было названо ближайшее к Ольвии архаическое поселение у Широкой Балки. Это был до конца 60-х годов единственный пункт периферии Ольвии архаического периода, где велись систематические раскопки. Открытые здесь земляночные жилища казались тогда неоспоримым доказательством принадлежности поселения местному населению.

Теперь же, когда в Ольвии обнаружено большое количество землянок, не отличающихся ни формой, ни устройством, ни заполнением от широкобалковских, полностью доказана принадлежность этого поселения гре-

нимали Л. М. Славин (Древний город Ольвия, Киев, 1951, стр. 9—10), Ф. М. Штителъман (Поселения...), Б. Н. Граков (Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954, стр. 27) и др.

¹⁹ Ц. И. Люперсольский, Что такое «Ελληνες Σκύθαι» у Геродота, ЖМНП, 1884, дек., стр. 66 сл.; он же, О каллипидах у Геродота IV, 17. Труды VI АС, т. II, Одесса, 1884, стр. 42 сл.

²⁰ Н. В. Шафранская, О миксэллинах, ВДИ, 1956, № 3, стр. 36.

²¹ Латышев, ук. соч., стр. 18; В. В. Латышев, Население Херсонской губернии за 2400 лет нашего времени, Повтiхiд, СПб., 1909, стр. 182—183.

²² Штителъман, Поселения..., стр. 271—272; Б. Н. Граков, Скифы, М., 1971, стр. 17; В. А. Иллiнська, О. І. Тереножкін, Скифський період, «Археологія УРСР», 1971, т. II, стр. 72—74; И. В. Яценко, Скифия VII—V вв. до н. э., М., 1959, стр. 25; В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 53; Шафранская, О миксэллинах, стр. 37—48; А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975, стр. 69 сл.; Д. С. Раевский, Очерки идеологии скифо-сакских племен, М., 1977, стр. 156—159; Л. А. Ельницкий, Скифия евразийских степей, Новосибирск, 1977, стр. 136.

кам²³. Более того, полуземлянки на Широкой Балке, стены которых в некоторых случаях были обложены камнями, более похожи на эллинские жилища, чем землянки в самой Ольвии, где такой тип устройства жилища пока не найден.

Несмотря на указанные открытия последних лет, в работах по скифологии продолжает господствовать старая точка зрения. Л. А. Ельницкий в книге «Скифия евразийских степей» пишет: «Широкая Балка представляет собой пример местного скифского поселения в непосредственном соседстве с Ольвией (1,5 км)... в качестве скифского пригорода, в котором сосредоточивались запасы зерна, служившего одним из основных предметов греко-скифской торговли в эпоху становления Ольвийского эмпория»²⁴. Подобные взгляды высказаны в монографиях Б. Н. Гракова, А. М. Хазанова и др.²⁵.

Более осторожно в свое время подошли к решению этого вопроса С. И. Капошина и Я. В. Доманский. С. И. Капошина обращала внимание на весьма эллинизированный быт поселений в окрестностях Ольвии, что противоречит, по ее мнению, сообщению Геродота о каллипидах как о племени, живущем во всех отношениях по скифским обычаям, но лишь возделывающем и потребляющем в пищу такие же сельскохозяйственные продукты, как и греки. Нужно полностью согласиться со словами С. И. Капошиной, «что без широкого археологического исследования Нижнего Побужья трудно с точностью определить территорию, населенную каллипидами»²⁶.

Я. В. Доманский разделял в свое время прибугские поселения на две группы: первые (с земляночными жилищами), по его мнению, населяли каллипиды, другие (с каменным домостроительством) — греки²⁷. Теперь же, как было отмечено выше, стало ясно, что те и другие жилища принадлежали эллинам, только относятся они к разным этапам заселения ольвийской округи и к различным типам ольвийского домостроительства²⁸. Широкое исследование архаических и классических горизонтов Ольвии и ее предместья, Березани и многочисленных поселений по Бугскому и Березанскому лиману, в Нижнем Поднестровье и Подунавье со всей определенностью подтверждают, что первоначальным жилищем греков на этой обширной территории была землянка и полуземлянка²⁹.

В настоящее время исследователи, занимающиеся локализацией каллипидов, по-прежнему размещают их на приольвийских поселениях, не учитывая новых открытий и новой интерпретации античных памятников в Нижнем Побужье, уже достаточно освещенных в ряде статей и публика-

²³ В такой же мере, по-видимому, принадлежал эллинским переселенцам и Мариупольский могильник. В настоящее время несомненно требуется научный пересмотр публикаций этого памятника и привязка его к античным поселениям, расположенным поблизости.

²⁴ Ельницкий, Скифия..., стр. 137, прим. 151.

²⁵ Граков, Скифы, стр. 17; Хазанов, ук. соч., стр. 115.

²⁶ С. И. Капошина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, МИА, 50, 1956, стр. 251—252.

²⁷ Доманский, Из истории..., стр. 33. За последнее время автор изменил свои взгляды (Я. В. Доманский, К. К. Марченко, Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья, «150 лет ОАМ. Тезисы докладов», стр. 120 сл.; Я. В. Доманский, О характере греческой колонизации Северного Причерноморья, «Материалы симпозиума...», Тбилиси, 1977, стр. 15—16).

²⁸ Эволюция греческого жилого дома была рассмотрена в свое время: Е. И. Леви, А. Н. Карасев, Дома античных городов Северного Причерноморья, АГСП, 1955, стр. 215—247; С. Д. Крыжикий, Начальные этапы эволюции античных жилых домов Северного Причерноморья, «150 лет ОАМ. Тезисы докладов», стр. 103 сл.

²⁹ С. Д. Крыжикий, А. С. Русяева, Найдавнішні житла Ольвії, «Археологія», 28, 1978, стр. 3 сл.

ций. При размещении каллипидов на поселениях хоры Ольвии не обращается, как правило, внимания на то, что локализация других земледельческих племен, упоминаемых Геродотом (алазонов, скифов-пахарей и скифов-земледельцев), пока окончательно не ясна: ведь на этих территориях до сих пор не обнаружены археологические памятники, свидетельствующие об оседлости и земледельческих занятиях названных племен.

В связи с этим обратимся вновь к словам Геродота. Историк, очевидно, не случайно начинал описание северных стран от эмпория борисфенитов (ἀπό τοῦ Βορυσθενείτων ἐμπορίου). Для него — «это самый срединный пункт Скифии» (τοῦτο γάρ τῶν παραθαλασσίων μεσαίτητόν ἐστι πάσης τῆς Σκυθίας), под которым он к тому же подразумевал не что иное, как устье Борисфена (IV, 101). Относительно вопроса о том, какое именно поселение имел в виду Геродот, называя его эмпорием борисфенитов и несколько дальше эмпорием Борисфен (IV, 24), существуют различные точки зрения, подробно рассмотренные в статьях П. О. Карышковского и Ю. Г. Виноградова³⁰.

Подобно многим исследователям (С. Д. Пападимитриу, Д. И. Нудельман, С. А. Жебелев, Ю. Г. Виноградов) мы склонны считать, что эмпорий борисфенитов (IV, 17) и эмпорий Борисфен (IV, 24) — понятия неадекватные, их нельзя смешивать, и первый необходимо рассматривать как особый, отличный от города, безмянный эмпорий³¹, расположенный все-таки в устье Борисфена или в непосредственной близости от него, который к тому же был и приморским пунктом. Если исходить из этих положений (а они наиболее соответствуют сведениям Геродота), то Ольвию никак нельзя считать эмпорием борисфенитов, хотя вполне вероятно, что ее имел в виду Геродот, упоминая эмпорий Борисфен (IV, 24). На современном этапе изучения археологических памятников Днепро-Дунайского региона этим эмпорием считается Березанское поселение³².

Локализация каллипидов и алазонов (.....παρὰ τὸν Ὑπανὶν ποταμὸν ἐστὶ ἔθνεα πρὸς ἑσπέρῃς τοῦ Βορυσθενέος) — «по реке Гипанису к западу от Борисфена» не дает никакого права размещать эти племена только к западу от Гипаниса в ближайших окрестностях Ольвии. Геродот нигде не указывает, что племена обитали только по одному из берегов этой реки. Это дает основание локализовать их на территории по обе стороны Гипаниса. Западную границу расселения каллипидов определяет Помпоний Мела (I, 7) по реке Асиаку, которую, очевидно, следует считать современными Березанско-Сосицким или Тилигульским лиманами. Свидетельство Помпония Мелы противоречит гипотезе А. И. Мелюковой о проживании каллипидов на побережье Днестра³³. Местонахождение алазонов, живших, согласно Геродоту, выше каллипидов, т. е. к северу от них, уточняет сам историк при описании Эксампей³⁴, находившегося на границе скифов-пахарей и алазонов (IV, 52, 81).

Очевидно, в данном случае Геродот имел в виду восточную границу скифов и алазонов, так как названное им сближение обеих рек происходит

³⁰ П. О. Карышковский, Заметки об Ольвии и Борисфене, ЗОАО, II, 1967, стр. 75—90; Виноградов, ук. соч., стр. 75—84.

³¹ С. Д. Пападимитриу, Древние сведения об острове Березани, ЗООИД, 1910, XXVII, Протоколы, стр. 102—106; Д. И. Нудельман, Древние авторы о Березани, Труды ИФ ОГУ, 1939, 1, стр. 39; С. А. Жебелев, Что понимать под Борисфеном, СП, 1953, стр. 293 сл.; Виноградов, ук. соч., стр. 76.

³² Виноградов, ук. соч., стр. 84.

³³ А. И. Мелюкова, Население Нижнего Поднепровья в IV—III вв. до н. э., МИА, 177, 1971, стр. 54.

³⁴ Многие исследователи отождествляют Эксампей с р. Синюхой (Іллінська, Тереножкін, ук. соч., стр. 34). В последнее время К. К. Шилик (К палеографии Ольвии, «Ольвия», Киев, 1975, стр. 81) более убедительно показал, что этот источник следует отождествлять с Гнилым Еланцем, левым притоком Южного Буга.

значительно выше. Соответственно этому можно считать, что каллипиды занимали не особенно обширную территорию (приблизительно в пределах от Николаева и несколько выше Новой Одессы, в западной части ниже до с. Каменки, между Бугом и Днестром — до Херсона)³⁵. Открытые в этом районе скифские погребения V—III вв. до н. э., наверное, принадлежали этим племенам³⁶.

Различные точки зрения были высказаны и по вопросу о названии каллипидов — «эллины-скифы». В конце XIX в. в научной литературе в связи с изучением Протогеновского декрета, где были упомянуты микс-эллины, высказывались две точки зрения. А. Бек, Э. Боннель, Ф. Мищенко считали каллипидов соединением эллинов и скифов и отождествляли с миксэллинами. Г. Штейн, В. Н. Юргевич, П. И. Люперсолдский рассматривали их как чистых скифов, принявших эллинскую культуру³⁷. В. В. Латышев считал, что «каллипиды — особое население Гипанидского побережья, происшедшее от брачных связей эллинов со скифами и имевшее эллинскую культуру»³⁸.

В последних крупных работах по скифологии каллипиды описываются как небольшое скифское племя, в значительной степени подвергшееся эллинизации³⁹. Д. С. Раевским высказано также предположение, что каллипиды и алазоны были племенами жрецов⁴⁰.

Мы же предлагаем иное решение вопроса. Для этого снова следует обратиться к тексту Геродота: *Οὗτοι δὲ καὶ οἱ Καλλιπίδαι τὰ μὲν ἄλλα κατὰ τὰυτὰ ἐπαζέουσι, σίτον δὲ καὶ σπείρουσι καὶ σιτέονται, καὶ κρόμμυα καὶ σκόροδα καὶ φακούς καὶ κέχυρους* — «Вот эти (т. е. алазоны. — А. Р., М. С.) и каллипиды занимаются всем прочим так же как скифы, но хлеб сеют и едят: и лук, и чеснок, и чечевицу, и просо» (IV, 17). Историк не уточняет, чем именно «всем прочим» (*τὰ ἄλλα*) занимаются каллипиды подобно скифам, как и не расшифровывает этноним «скифы». Для него это общеизвестное понятие о жизни кочевого народа. Из контекста ясно, что под «всем прочим» следует понимать образ жизни в общепринятом смысле, характерном для основной массы скифов с их кочеванием, уходом за лошадьми, верностью своим обрядам и обычаям. Геродот в начале рассказа о скифах отмечал: *οὐ γὰρ ἀρόται εἰς ἄλλα νομάδες* (IV, 2 — «они ведь не землепашцы, а кочевники»). И ответ скифского царя Иданфирса Дарию также указывает на это: *ἡμῖν οὐτε ἄστρα οὐτε γῆ περὶ τευμένη ἐστὶ* (IV, 127 — «у нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли»). Насколько нам известно, в скифских верованиях отсутствовало божество, сходное с греческой богиней земледелия Деметрой. Однако каллипиды все-таки отличались от скифов, и Геродот объяснил почему: «но хлеб сеют и едят: и лук, и чеснок, и чечевицу, и просо». И это единственное,

³⁵ Естественно, что указанные пункты отнюдь не представляют некий абсолюте. Мы попытались лишь приблизительно наметить территорию обитания этих скифских племен.

³⁶ Г. Т. Ковпаненко, Е. П. Бунятян, Скифские курганы у с. Ковалевки Николаевской области. «Курганы на Южном Буге», Киев, 1978, стр. 149 сл. Авторы предположительно относят это население к алазонам, однако это противоречит данным древних авторов. Широкие исследования проводятся в Николаевской области новейшей экспедицией ИА АН УССР под руководством О. Г. Шапошниковой. Открыты интереснейшие погребальные скифские комплексы: О. Г. Шапошников а, В. Н. Фоменко и др., Работы Ингульской экспедиции, АО, 1977, стр. 390; О. Г. Шапошникова, Раскопки курганов в Николаевской области, АО, 1978, стр. 400—401.

³⁷ История вопроса в науке XIX в. рассмотрена В. В. Латышевым (Исследования..., стр. 17—19).

³⁸ Там же, стр. 19.

³⁹ Хазанов, ук. соч., стр. 69—70, 115; Раевский, стр. 156—159.

⁴⁰ Там же.

что сближает их с эллинами. Ведь скифы в основном питались мясом и кобыльим молоком. Недаром рядом отмечается, что скифы-пахари сеют хлеб не для пропитания, но для продажи⁴¹. Помимо алазонов и каллипидов, употребляющих хлеб в пищу, Геродот называет и гелонов (IV, 109). Но последние, по его словам, были сильно эллинизированы. Употребление в пищу хлеба и других сельскохозяйственных продуктов скорее всего было воспринято некоторыми скифами у греков. Естественно, чем ближе они находились к эллинским землям, чем больше они вступали с ними в контакт, тем ощутимее было влияние эллинов на жизнь скифов.

В занятии трех племен пахотой сказывается активное воздействие Ольвии на варварское население Северного Причерноморья. Вряд ли названные племена в последней четверти VI в. до н. э. в канун похода Дария на скифов обрабатывали эти обширные земли. Скорее всего ситуация значительно изменилась именно вследствие этого похода и последующих за ним событий. В результате передвижения кочевых скифских племен из-за войны с персами и их походов за Дунай, к восточным и северным рубежам начинающего зарождаться Ольвийского государства приблизились варвары, по всей вероятности каллипиды.

Этноним каллипиды — «прекрасноконные» — не самоназвание этого племени, а греческое его наименование по основному занятию каллипидов, подобно другим этнонимам в Северном Причерноморье (андрофаги — «людоеды», меланхлены — «носящие черные плащи», гамаксобии — «живущие в повозках» и т. д.)⁴². Сочетание этого названия со сведениями о земледелии у каллипидов, думается, дает основание для вывода о полукочевом образе их жизни⁴³. Отсутствие скифских поселений в этом регионе является также серьезным доводом в пользу предположения об их полукочевом образе жизни. Тщательное изучение скифских погребальных комплексов V—III вв. до н. э., открытых экспедициями Г. Т. Ковпаненко и О. Г. Шапошниковой в Николаевской области, представит много нового для характеристики этого племени, в том числе, должно быть, можно будет выяснить и степень его эллинизации.

Исходя из всего сказанного, представляется, что все поселения, расположенные в сельской округе Ольвии, были основаны эллинами и не могут соответственно считаться каллипидскими⁴⁴. Возможно, между греками и каллипидами были установлены особые контакты, вызвавшие у последних заинтересованность в выращивании хлеба и других сельскохозяйственных культур. Занятие земледелием под непосредственным воздействием Ольвии и для ее интересов, близость к городу, его влияние, даже, возможно, в какой-то мере обоюдная экономическая зависимость располагали к самым тесным контактам, которые не могли не сказаться

⁴¹ Это, вероятно, не следует понимать буквально: может быть, значительная часть хлеба шла на продажу, и лишь какая-то часть на пропитание, поскольку основную пищу составляли другие традиционно скифские продукты.

⁴² А. И. С о б о л е в с к и й, Русско-скифские этюды, ИОРЯС, т. XXXVI, 1924, стр. 32; Г. Э й х в а л ь д, О древнейших обитателях племен, «Библиотека для чтения», т. XXVII, отд. 3, стр. 86. Малоубедительными представляются и иные толкования: М. Ф. Болтенко искал в слове каллипиды корень «леп», связанный со славянским «леп», «лепый» (прекрасный) (Herodoteana, МАСП, III, 1960, стр. 47; Л. А. Ельницкий полагает, что каллипиды = *καλλιπιδαι*, т. е. прекрасноногие, и считает это слово эпитетом амазонок (ук. соч., стр. 137 сл.).

⁴³ О подобном образе жизни земледельческих племен Побужья и Поднепровья писал Б. Н. Граков (Скифы, стр. 61).

⁴⁴ Это не исключает, как мы уже указывали, наличия на этих поселениях какого-то процента варварского населения, втянутого греками в обработку земель. Возможно также, что во время запустения ольвийской хоры на эти земли спорадически могли проникать каллипиды и другие скифские племена, что видно хотя бы из рассказа Геродота о Скиле и сопровождающей его свите.

на главном — заимствовании у греков того, что было выгодно для обеих сторон в определенный период. От предполагаемого периода появления каллипидов в этом регионе до посещения Ольвии Геродотом прошло столетия — достаточное время для восприятия некоторых сельскохозяйственных навыков и установления относительной территориальности для своего обитания и кочевания. Этноним каллипиды, возможно, указывает на их особое положение не только в скифской среде, но и в контактах с Ольвией.

Трудно определить, когда это племя сошло с исторической арены. Ясно только, что к рубежу нашей эры каллипидов уже давно не было в Побужье. Ведь для Страбона, давшего новую по сравнению с Геродотом картину расселения племен, каллипиды представляются племенем, вымышленным древними историками.

THE OLBIAN POLIS AND THE CALLIPPIDAE

A. S. Rusyayeva, M. V. Skrzhinskaya

Recent archaeological discoveries have thrown new light on the question of contacts between the Greeks and neighbouring barbarian tribes. These discoveries have shown that from the middle of the 7th century to the third quarter of the 6th the Greeks completed their occupation of unsettled land from the Dnieper to the Berezan liman. The numerous Greek settlements uncovered in this area do not differ in any respect from the archaic town of Olbia, where in recent decades many earthen dwellings of the *zemlyanka* and semi-*zemlyanka* type have been found. Until quite recently this type of dwelling was thought to be characteristic of the Scythians and consequently Shirokaya Balka, near Olbia, was regarded as a classical example of Callippidae habitation. In fact this settlement, like all the others in the area, was founded by Greeks. The Callippidae (of the «Beautiful Horses») were a small, seminomadic Scythian tribe who became cultivators of the soil under the direct influence of Olbia and for her provisioning. They lived between the Dnieper and Berezan limans to the north of the territory occupied by the Greeks and held by them as long as they remained in this region.